

ПОЛЯРНАЯ
КЛАССИКА

О. Тревор-Бетти

ВО ЛЬДАХ И СНЕГАХ

Дневник путешествия на остров Колгуев

Обин Тревор-Бетти

Paulsen

2024

УДК 910
ББК 26.89(Рос)
Т66

Серия «Полярная классика»

Текст публикуется по изданию:

Тревор-Бетти О. Во льдах и снегах : (путешествие на остров Колгуев)
/ О. Тревор-Бетти ; пер. с англ. А. Филиппова. — Санкт-Петербург :
типография П. П. Сойкина, 1897. — 214 с. : ил., карт.

Тревор-Бетти, Обин.

Т66 Во льдах и снегах : дневник путешествия на остров Колгуев
/ Обин Тревор-Бетти. — Москва : Паулсен, 2024. — 232 с. —
(«Полярная классика»).
ISBN 978-5-98797-391-2

В 1894 г. английский путешественник Обин Тревор-Бетти (Aubyn Trevor-Battye) пробыл несколько месяцев в Русской Арктике, на острове Колгуев, и собрал богатейший материал о природе этого региона и жизни его обитателей — ненцев (самоедов). Автор сломал представления европейцев о севере Европы как о безжизненной необитаемой пустыне. В ярком литературном изложении Тревора-Бетти перед нами предстают люди, которые здесь чувствуют себя счастливыми; уникальная, завораживающая своеобразной красотой и очарованием природа.

Книга, изданная на английском языке в 1895 г., сразу же стала настоящим бестселлером; через два года она была опубликована в русском переводе. Настоящее издание дополнено вступительной статьей кандидата исторических наук Н. А. Кузнецова и большим количеством иллюстраций из оригинальной версии.

При подготовке книги в ряде случаев исправлены (приведены в соответствие с русскими картами конца XIX в.) географические названия, неправильно транскрибированные переводчиком издания 1897 г.

УДК 910
ББК 26.89(Рос)

© Кузнецов Н. А., вступ. ст., 2024
© ООО «Паулсен», 2024

ISBN 978-5-98797-391-2

Содержание

Н. А. Кузнецов. Запоздалый первооткрыватель мира	6
I	17
Несколько слов об исследовании Колгуева. — Экспедиция Тревора-Бетти. — История путешествий на этот остров. — Рассказы поморов о Колгуеве и его обитателях. — Охота на пернатую дичь и рыбная ловля.	
II	30
Научные результаты поездки Тревора-Бетти. — Устройство поверхности Колгуева. — Почва и климат его.	
III	36
Путешествие Тревора-Бетти с товарищами на яхте «Саксонец». — Первые дни плаванья вблизи берегов Колгуева. — Полярный лед. — Первое впечатление о Колгуеве. — Вдоль берегов его. — На берегу. — Фауна и флора. — Наносный лес. — Измерение температуры. — Окончательная высадка.	
IV	60
Устройство палатки. — Таинственный стрелок. — По снегам. — Несколько замечаний о птицах Колгуева. — Следы людей. — Ближайшее знакомство с птицами острова.	
V	81
Дальнейшие поиски самоедов. — Подорожники. — Первые опыты поваренного искусства. — Жара и холод полярного лета. — Москиты. — Нравы чаек.	
VI	90
Неожиданное открытие. — Первые люди, открытые на пути. — Туман. — Несколько слов о замечательной способности дикарей угадывать дорогу. — В самоедском чуме. — Иван и его семья. — Самоедская красавица. — Самоедская обстановка. — Ближайшее знакомство с самоедами.	
VII	103
Знакомство Тревора-Бетти с самоедским языком. — Спор с самоедами из-за губернаторской бумаги. — Путешествие на оленях. — Еще о быте самоедов.	
VIII	116
Как едят самоеды. — Чум и сани. — Собаки. — Самоедская жизнь. — Новые знакомые. — В лодках.	
IX	135
Становой Шарок. — Снова одни. — Забытая часовня. — Лагерная жизнь. — Охота и наблюдения. — Приезд самоедов.	
X	149
Новые знакомцы. — Охота на гусей. — Добродушие самоедов. — Совместная жизнь с ними. — Восхищение самоедов цветами.	
XI	165
Москиты. — Путешествие в лодках. — Бедные женщины. — Летние палатки. — Снова в Шарке. — Жизнь Робинзонов. — В ожидании «Саксонца» или русских.	
XII	181
Стрельба из луков. — Способность самоедов к развитию. — Охота на оленей. — Комическое недоразумение. — Дети природы. — Кочевка вместе с самоедами.	
XIII	204
Первые вести о русских. — Купец А. Сумароков. — История Сумароковых. — Посещение гор Совандэй и Сичерхур. — Братья Большаковы. — Самоедские болваны.	
XIV	218
Посещение «болванной» горы. — Кража болвана. — Приезд Алексея Сумарокова. — Царский праздник. — Недоразумения из-за болвана. — Отъезд с Колгуева. — Возвращение экспедиции домой.	

Запоздалый первооткрыватель мира

Об авторе этой книги

«Запоздалый первооткрыватель мира, мечтавший совершить свое путешествие и написать о нем свою книгу» — так охарактеризовал британского исследователя-натуралиста и путешественника О. Тревора-Бетти писатель и журналист В. Я. Голованов (1960–2021)¹, отправившийся в 1994 г. по его следам на остров Колгуев с глобальной целью (оформившейся уже в процессе путешествия) — «сохранить этот остров в духовной картографии человечества»². На страницах «книги-эссе», озаглавленной «Остров», ему удалось не только блестяще осуществить свой замысел, но и ярко показать образ Тревора-Бетти. К книге Голованова, с которой, по сути, начался путь Тревора-Бетти к современному российскому читателю, мы еще не раз обратимся, а пока остановимся подробнее на биографии английского первопроходца острова Колгуев.

Обин Тревор-Бетти³ родился 17 июля 1855 г. в деревне Хивер графства Кент в семье местного священника У. У. Бетти и его жены Харриет Доротеи, урожденной Мид-Уолдо. О. Тревор-Бетти учился в школе Святого Эдуарда (St Edward's School, Oxford) — престижном государственном учебном заведении, основанном в 1863 г. Затем продолжил образование в колледже Церкви Христа (Christ Church, Oxford) — светском учебном заведении, существующем с 1546 г., уникальном совместном учреждении Оксфордского университета и кафедрального собора Оксфордской епархии.

¹ Голованов В. Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий. М., 2024. С. 204.

² Там же. С. 380.

³ Полное имя: Aubyn Bernard Rochfort Trevor-Battye. Часть фамилии Тревор он, вместе с матерью и старшим братом, принял в 1890 г. — как написано в одном из некрологов, «унаследовав некоторые поместья, доставшиеся его отцу» (Mr. A. Trevor-Battye // Nature. 1923. Vol. III. № 2776. 13 January. P. 57).

Современники свидетельствуют о том, что уже во время обучения главным интересом Тревора-Бетти стала естественная история и особенно орнитология, пламенная любовь к которой производила впечатление на сокурсников¹. Его учителем был известный британский натуралист профессор Г. Н. Мозли (Henry Nottidge Moseley, 1844–1891)² — участник экспедиции на научно-исследовательском судне Королевского флота «Челленджер» в 1872–1876 гг.³ Возможно, что именно Мозли заразил своего ученика тягой к путешествиям.

После получения образования в течение нескольких лет Тревор-Бетти сотрудничал с лондонской еженедельной газетой Saturday Review, а также публиковал литературные и научные произведения в других изданиях. В 1894 г. вышла его первая книга — «Картинки в прозе»⁴. В том же году он впервые отправился в серьезную экспедицию, на остров Колгуев, которая подробно описана в предлагаемой читателю книге. Не менее интересны и путевые заметки, посвященные возвращению с острова, получившие название «Северный царский тракт»⁵, которые еще ждут перевода на русский язык. И. Р. Стоун, британский исследователь биографии Тревора-Бетти, отметил его взгляды: «Явно убежденный русофил, он заканчивает [“Северный царский тракт”] панегириком Николаю II, которому была посвящена книга»⁶ (здесь и далее перевод цитат наш. — Н. К.).

В 1896 г. Тревор-Бетти принял участие в экспедиции на Шпицберген, которую возглавил сэр У. М. Конвей — известный британский альпинист, ученый и политик. За два сезона (1896–1897) путешественники впервые пересекли материковую часть острова. После этой экспедиции имя Тревора-Бетти появилось на географической карте: в честь него был назван ледник между Диксон-фьордом и Вейде-фьордом на Земле

¹ Aubyn Trevor-Battye // The Geographical Journal. 1923. Vol. LXI. № 3. P. 229.

² Trevor-Battye, Aubyn Bernard Rochfort // Who's Who. Vol. 59. Oxford, 1907. P. 1769.

³ С 1879 г. Мозли работал в Лондонском университете. В 1881 г. возглавил кафедру анатомии в Мертон-колледже Оксфорда.

⁴ Trevor-Battye A. Pictures in prose. London, 1894. Дословный перевод полного варианта названия: «Картины в прозе о природе, диком спорте и скромной жизни».

⁵ Trevor-Battye A. A northern highway of the Tsar. London, 1898.

⁶ Stone I. R. Profile: Aubyn Trevor-Battye // Polar Record. 1986. № 23 (143). P. 181–182.

Диксона (остров Западный Шпицберген)¹. В сборнике трудов экспедиции Тревор-Бетти выступил автором раздела, посвященного заливам Экман и Диксон². Также он опубликовал большую статью о птицах Шпицбергена в журнале Ibis Британского орнитологического союза.

В 1897 г. наш герой стал редактором и владельцем журнала The Artist, а в 1899 г. — главным редактором отдела естественной истории многотомного проекта «История английских графств, посвященная королеве Виктории»³.

1 мая 1901 г. О. Тревор-Бетти женился на Маргарет Эми Грехем (Margaret Amy Graham; ок. 1870 — 6 августа 1906)⁴. В браке родились две дочери, увы, в раннем детстве оставшиеся без матери⁵.

«Среди его более поздних путешествий особого упоминания заслуживают посещение верховьев Замбези в 1905 году⁶; путешествия и исследования на Крите, описанные в восхитительной книге «Поход на Крит» (1913); и визит в Непал в компании с коллегой-натуралистом мистером Х. Дж. Элвесом...» — отмечено на страницах «Географического журнала»⁷. «Он был одним из немногих белых мужчин, который был избран вождем туземного племени в Африке. Ему был присвоен титул «Крокдил»», — об этом удивительном факте упомянуто в некроло-

ге, опубликованном в журнале Ibis¹. Побывал О. Тревор-Бетти и в Северной Америке².

Помимо названных выше четырех книг автора перу О. Тревора-Бетти принадлежат два десятка статей, опубликованных в различных научных изданиях. Также он выступил в качестве редактора книги «Лорд Лилфорд о птицах», вышедшей в свет в 1903 г.² Незавершенным осталось жизнеописание друга Тревора-Бетти — полковника Х. У. Фейлдена (Henry Wemyss Feilden; 1838–1921) — путешественника и натуралиста, посетившего Колгуев в 1895 г.⁴

Не был чужд О. Тревор-Бетти и поэзии. Правда, этой стороне его творчества современники и позднейшие биографы дают полярные оценки. «...Он обладал большим художественным талантом и был незаурядным поэтом, получая удовольствие от написания остроумных стихов на различные темы, связанные с древними легендами и фольклором», — читаем мы в некрологе⁵. «О его стихах, возможно, чем меньше сказано, тем лучше», — пишет И. Р. Стоун⁶.

О. Тревор-Бетти состоял в различных научных организациях — Королевском обществе (Royal Society), Союзе британских орнитологов (The British Ornithologists' Union), Клубе британских орнитологов (The British Ornithologists' Club), Обществе птицеводства (The Avicultural Society), Линнеевском лондонском обществе (Linnean Society of London), Королевском географическом обществе (The Royal Geographical Society), Зоологическом обществе Лондона (The Zoological Society of London). Также он удостоился степени магистра искусств (Master of Arts)⁷.

Путешествия в Арктику негативно отразилось на состоянии здоровья Тревора-Бетти — до конца жизни он страдал «сердечной слабостью», которая в итоге и стала причиной его смерти. После окончания Первой мировой войны он переехал

¹ Аветисов Г. П. Тревор-Батти (Trevor-Battye) Аубин (17.07.1855–19/20.12.1922) // Имена на карте Арктики. Names on the map of the Arctic [Электронный ресурс] URL: http://www.gpavet.narod.ru/Names6/trevor_battye.htm (дата обращения: 12.02.2024).

² Trevor-Battye A. Report upon Ekman Bay and Dickson Bay // The first crossing of Spitsbergen by Sir William Martin Conway. London, 1897.

³ Trevor-Battye, Aubryn Bernard Rochfort // Who's Who... P. 1769. «The Victoria History of the Counties of England» представляет собой проект по английской истории, который начался в 1899 г. и был посвящен королеве Виктории (что отражено в названии). Его цель — энциклопедическое описание каждого из исторических графств Англии.

⁴ Stevenson Family History [Электронный ресурс] URL: <http://www.stevensonfamily.plus.com/fhsteven/grpf1968.htm> (дата обращения: 12.02.2024).

⁵ Розмари Вордсворч Бетти (Rosemary Wordsworth Battye; 28 июня 1902–1971) и Элизабет Кристель Рошфор Тревор-Бетти (Elisabeth Christel Rochfort Trevor-Battye; 22 сентября 1904–1994). Жизнь внука О. Тревора-Бетти, Д. Ф. Бетти Ле Бретона (David Francis Battye Le Breton; 2 марта 1931 — 18 января 2023) — сына Элизабет, оказалась тесно связана с Африкой. В качестве дипломата он работал в Занзибаре, Замбии, Кении (в этой стране он родился) и Гамбии.

⁶ Еще одно путешествие в Африку О. Тревор-Бетти совершил в 1910 г.

⁷ Aubyn Trevor-Battye // The Geographical Journal... P. 230.

¹ H. A. Aubyn Bernard Rochfort Trevor-Battye // Ibis. 1923. Vol. 65. Iss. 2. P. 333.

² Mr. A. Trevor-Battye // Nature... P. 57

² Lord Lilford on birds. London, 1903.

⁴ Aubyn Trevor-Battye // The Geographical Journal... P. 230.

⁵ H. A. Aubyn Bernard Rochfort Trevor-Battye // Ibis... P. 333.

⁶ Stone I. R. Op. cit. P. 177.

⁷ Trevor-Battye, Aubryn Bernard Rochfort // Who's Who. Vol. 59. Oxford, 1907. P. 1769.

на Канарские острова, климат которых был более благоприятен для его здоровья. Скончался Обин Тревор-Бетти 20 декабря¹ 1922 г. в Лас-Пальмасе в возрасте 67 лет. Он похоронен там же, на Английском кладбище².

В заключение рассказа о жизненном пути автора книги приведем несколько цитат, характеризующих разные стороны его личности.

” В течение многих лет он был известен географам своими обширными путешествиями в самые разные уголки мира, и хотя он не часто брал на себя роль исследователя новых земель, его приятно написанные рассказы о разнообразном опыте во многом способствовали расширению географических знаний, а также знаний о дикой природе. Он был особенно предан изучению природы в разнообразных аспектах. <...> Он был человеком удивительной разносторонности, и его интерес распространялся на музыку, литературу и искусство, в которых он проявлял определенное мастерство³.

” Очень одаренный, лично обаятельный, привлекательный и отзывчивый, он был преисполнен энтузиазма и стойкости исследователя редких сокровищ природы в виде птиц и растений и был чрезвычайно скрупулезен во всем, за что брался. <...> Несмотря на весь его опыт и при всех его удивительно обширных знаниях природы, в нем присутствовала жилка неуверенности, которая заставляла его жадно искать знания у других, которые, как он полагал, могли бы поделиться большим, чем он. Его ум был широк, проницателен и праведен. Можно охарактеризовать его как истинного джентльмена...⁴

” Путешественники викторианской и эдвардианской эпохи, отправлявшиеся в малоизвестные уголки мира, стали связующим звеном между первыми географическими и научными исследо-

¹ Такая дата указана во всех некрологах и позднейших публикациях. На надгробии обозначена дата смерти — 19 декабря 1922 г.

² Аветисов Г. П. Указ. соч.

³ Aubyn Trevor-Battye // The Geographical Journal... P. 229–230.

⁴ H. A. Aubyn Bernard Rochfort Trevor-Battye // Ibis... P. 332–334.

вателями и современными туристами. Хотя в целом они были культурными людьми, заинтересованными в том, чтобы выполнять полезные наблюдения в тех местах, которые они посещали, они часто увлекались путешествиями как самоцелью, посвящая им большую часть жизни почти как пристрастию.

Обин Бернارد Рочфорт Тревор-Бетти был именно таким человеком. Он был состоятельным джентльменом, который много времени проводил в путешествиях, и его можно считать второстепенным исследователем. Он преуспел как наблюдатель за людьми и дикой природой; он был неплохим рисовальщиком, и его литературный стиль привлекает внимание читателя, хотя ему и не хватает изящества. <...>

Тревор-Бетти был типичным талантливым джентльменом-путешественником. В силу того, что ему повезло с социальным и материальным положением, он смог посвятить жизнь занятиям, которые были ему по душе. Естественная история многим обязана ему, а этнология была бы намного беднее без его рассказа о самоедах. Кроме того, его труды были популярны и способствовали расширению общих знаний о различных местах, которые он посетил¹.

* * *

Книга О. Тревора-Бетти «Ice-bound on Kolguev» (дословный перевод — «Скованный льдом Колгуев») вышла в Великобритании в 1895 г. Два года спустя ее издали в России под названием «Во льдах и снегах (Путешествие на остров Колгуев)», в переводе А. Ф. Филиппова². Именно этот вариант перевода сегодня возвращается к современному читателю. Пересказывать написанную прекрасным языком и талантливым переведенную книгу смысла нет. Акцентируем внимание читателя на некоторых моментах.

Из всех путешествий О. Тревора-Бетти именно экспедиция на Колгуев имела наиболее «первооткрывательский» характер. Как ни удивительно, остров, расположенный до-

¹ Stone I. R. Op. cit. P. 177, 182.

² Подробнее о нем см. в статье М. В. Медоварова «А. Ф. Филиппов: путь интеллектуала и авантюриста в поле множественных идентичностей» (Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 78. М., 2022. С. 324–339).

вольно близко от материка и активно посещавшийся, к концу XIX в. оставался для ученых во многом белым пятном. Об этом пишет и сам автор книги, при подготовке экспедиции тщательно изучивший всю доступную ему литературу.

В. Я. Голованов размышляет о причинах, сподвигнувших Тревора-Бетти отправиться именно на Колгуев.

” Он был первым ученым и первым европейцем, кто пересек Колгуев с севера на юг, три месяца прожив на острове и подружившись со всеми его тогдашними обитателями. Он был, вероятно, романтиком, этот действительный член Королевского географического общества, Зоологического общества и Британского союза орнитологов, раз выбрал себе для исследования сию «унылую», «пустынную» и «ледяную» страну (все это эпитеты переводчика из предисловия к русскому изданию книги). Или, напротив — честолюбцем, воспользовавшимся сравнительно простым случаем войти в ряды арктических исследователей? Боюсь, что, взявшись судить об этом сегодня, мы рискуем соскользнуть в ужасающую банальность. Деятнадцатый век, совсем недавно еще такой близкий, такой знакомый, такой родной — вдруг стремительно отдалился от нас. <...> А посему поостережемся судить о том близком-далеком времени, память о котором необъяснимо живет в бесконечных литературных и телевизионных сериалах нашей фелъетонной эпохи и лишь иногда, в какой-нибудь мальчишеской мечте, оживает, как надежда, как отблеск солнца на верхушках мачт парусных кораблей в Глазго...¹

При этом Голованов совершенно справедливо пишет, что «...экспедиция Тревора-Бетти отнюдь не была прогулкой по экзотическим местам»². Как человек, побывавший на острове, пусть в совсем другую эпоху, спустя ровно век после Тревора-Бетти, Голованов по достоинству оценивает как трудности, выпавшие на долю британских путешественников, так и значение книги, написанной по итогам путешествия.

¹ Голованов В. Указ. соч. С. 202–203.

² Там же. С. 205.

” Собственно говоря, только стечение многих и совершенно не зависящих от путешественников обстоятельств позволило им остаться в живых. И при том, что книга *Ice-bound on Kolguev* была и остается одним из лучших описаний острова, в ней автором заключено еще и чисто авантюрное напряжение. Оказалось, что не в Африке, не в Амазонии, а почти дома, в Европе, хоть и в крайних ее пределах, может быть такое: неизвестный остров, населенный неизвестным народом, говорящим на странном самодийском наречии; полные опасности приключения двух отважных англичан, их отчаяние, вызванное необъяснимым отсутствием корабля, который должен был забрать их с чуждого берега, невозможность вернуться на родину в канун долгой полярной ночи и, наконец, неожиданное появление двух русских карбасов, сулящих хоть и неверное, как вся русская морская удача, но все-таки вероятное спасение...¹

Важной особенностью книги стала ее в известной степени энциклопедичность. Главной задачей Тревора-Бетти было исследование природы острова и прежде всего птиц, обитающих на нем. Впрочем, сам он признавался: «...Идея неизвестного, вот что привлекало меня, как привлекало оно до меня сотни других». Информация, полученная во время путешествия и обобщенная на страницах книги (отметим, что на русский язык было переведено только само описание путешествия; многочисленные естественно-научные сведения в русском издании книги не вошли²) весьма ценна не только для орнитоло-

¹ Голованов В. Указ. соч. С. 205.

² Ознакомившись с английским изданием книги, невозможно не согласиться с В. Я. Головановым: «В 1897 году книга вышла в русском переводе, но, конечно, необходимо взять в руки прекрасное, заключенное в тисненую, голубоватую с золотом, обложку, более чем четырехсотстраничное английское издание, с картой, иллюстрациями и приложениями (флора, фауна, особенности ненецкого языка), чтобы почувствовать, с чем, собственно, мы имеем дело, каким неизъяснимым ароматом веет от книги и откуда в ней такая смесь авторского достоинства и самолюбования, широкой эрудиции и едва заметного надменства, исследовательского интереса и необоримого духа превосходства, который довлеет надо всем... Добрая старая викторианская Англия, после Ватерлоо не знавшая ничего, кроме побед, Англия-владычица (уже не только морей, но и доброй половины мира), Англия, не желающая отказаться ни от одной из своих прихотей и в равной степени не способная признать ни одну свою ложь, живущая чувством собственной полноценности — вот где, помимо Колгуева, мы невольные оказываемся, взяв в руки эту книгу» (Голованов В. Указ. соч. С. 205–206).

гов, но и для этнографов (этнографическая составляющая, пожалуй, даже превосходит орнитологическую). Свидетельство этому — ссылки на книгу Тревор-Бетти в современных научных работах по вышеуказанным специальностям.

Тревор-Бетти относился к ненцам (устаревшее название — самоеды) с искренним уважением. Он воспринимал их не исключительно как объект этнографического исследования, а во многом как друзей. И уж точно не как «наполовину бесов, настолько же детей» (строки из стихотворения Р. Киплинга «Бремя белого человека»). Описывая первую встречу с самоедами, британский путешественник отметил: «В этих людях было нечто такое, что я невольно считал себя среди них как бы самозванцем. Мы в своей английской одежде, с английскими ружьями и английской собакой казались здесь так же не на месте, как бродяга, попавший в гостиную. И, откровенно говоря, я едва ли был бы удивлен, если б этот человек сказал мне по-английски высокомерно: “Ну, что ж, любезный, мне очень жаль вас; но я ничего не могу вам дать. Я не могу принимать у себя бродяг”». Прожив среди самоедов три месяца, Тревор-Бетти стал воспринимать их по-другому. «Вообще иногда у меня бывало такое чувство (которого я никогда не испытывал в бытность свою среди индейцев), будто я находился не на Колгуеве, а у себя на родине, среди какой-нибудь крестьянской семьи или вроде этого». Грустным было и прощание. «Мне было искренно жаль расставаться с этими добрыми друзьями, которым мы столько обязаны, и чувство это, я думаю, разделялось и ими»¹, — отметил Тревор-Бетти в дневнике в тот день, когда путешественники перебрались с берега на судно, на котором они покинули остров.

Впрочем, иногда Тревор-Бетти все же называет самоедов «полудикарями». Возможно, это дало повод цитированному ранее И. Р. Стоуну заявить, что «...у Тревор-Бетти были черты характера, которые сегодня были бы истолкованы как невыносимое самомнение и высокомерие. То, что в то время они не были так истолкованы, является по-

¹ Думается, что это утверждение абсолютно справедливо. Память о британской экспедиции сохранилась на острове еще в конце XX в. (об этом подробно писал В. Я. Голованов).

казателем того, насколько сильно изменился мир с его времен»¹.

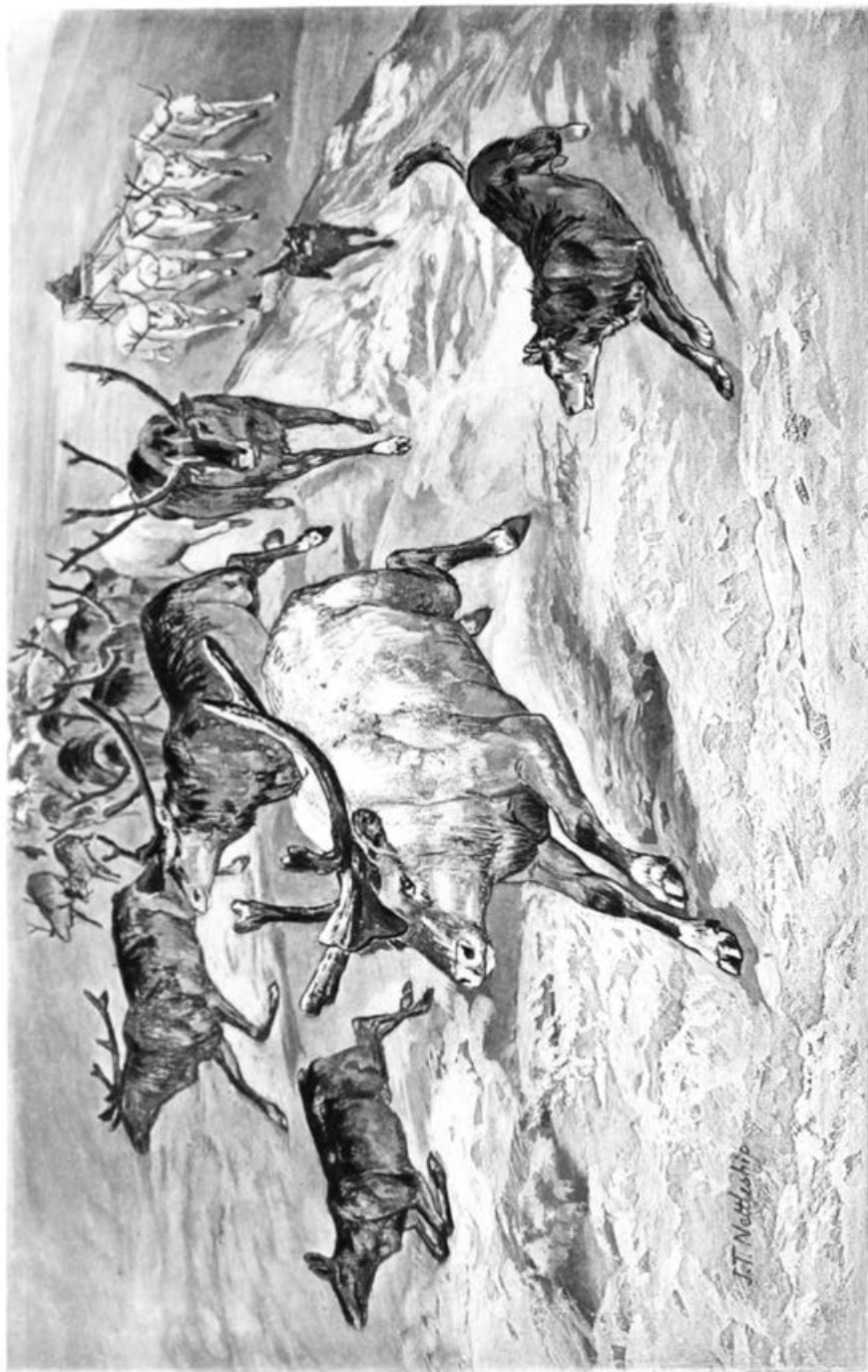
Отношение к местным жителям повлияло на методы и результаты исследований Тревор-Бетти. Западные исследователи отмечают, что его «подход отличался тем, что он пытался изучать язык с точки зрения самоедов, а не извлекать из него полезное руководство для путешественников». М. Бранч приходит к выводу, что описание жизни самоедов «...по методу и подходу является предшественником современного социологического исследования сообщества»².

Коротко рассказав о биографии О. Тревор-Бетти и о его книге, можно только порадоваться за читателя, который получил возможность познакомиться с замечательным образцом увлекательных путевых заметок, сохранивших до наших дней научную ценность. Очень важно, что книга английского путешественника, искренне влюбленного в Россию и ее жителей, выходит именно сейчас. Актуальность того, что отношения между людьми и народами в реальности далеко не всегда определяются политиками и нередко совсем не тождественны тому, что может происходить между государствами, сохраняется и сейчас.

*Н. А. Кузнецов,
кандидат исторических наук,
почетный полярник,
заместитель руководителя
комплексной морской экспедиции
«Колгуев-2023» по научной работе*

¹ Stone I. R. Op. cit. P. 182. В этой же работе отмечено, что Тревор-Бетти плохо ладил с товарищем по путешествию. «У Тревор-Бетти, однако, было два компаньона. Один из них — Томас Гиланд, молодой зеленщик, который, “хотя и совсем недавно открыл небольшой бизнес... был рад прийти и освежить птиц”; другим был “старый Матрос, спаниель, одна из самых верных и опытных собак, предназначенных для ружейной охоты”. Из них двоих Тревор-Бетти, очевидно, считал собаку более подходящим компаньоном. Действительно, с Гиландом он, похоже, постоянно был резок... Из его письма становится ясно, что он вел себя по отношению к нему со смесью снисходительности и высокомерия, которая, по-видимому, была распространена среди викторианских джентльменов, вынужденных находиться в непосредственной близости от тех, кого они считали ниже себя в социальном отношении» (Ibid. P. 177–178). На наш взгляд, недовольство Гиландом было вызвано прежде всего его недостаточной подготовленностью к серьезным путешествиям.

² Ibid. P. 178–179.

I

Несколько слов об исследовании Колгуева. — Экспедиция Тревора-Бетти. — История путешествий на этот остров. — Рассказы поморов о Колгуеве и его обитателях. — Охота на пернатую дичь и рыбная ловля.

Колгуев лежит всего в 150 верстах от северных берегов Европы и может поэтому рассматриваться как европейский остров. Взгляд на карту показывает, что он единственный остров в той части Ледовитого океана, которая известна под названием Баренцева моря. Настало уже, кажется, время, когда следует знать об этом острове нечто большее, чем можно почерпнуть из отрывочных упоминаний о нем в старинных книгах. Исследование этого острова, расположенного близ границы Европы и Азии, обещает богатую жатву для натуралиста.

Осенью 1893 года я ездил на торговом судне из Англии в Белое море с целью получить какие-нибудь сведения о Колгуеве. Мне это не удалось. Я обращался к архангельскому губернатору. Он очень любезно меня принял, но признался несведомленным об этом предмете. «Впрочем, — прибавил он, — когда в будущем году моя канонерка¹ пойдет на Новую Землю, она может высадить вас на Колгуев». Это было любезное предложение, но, к сожалению, я не мог его принять, так как упомянутая канонерка выходит в слишком позднее время года для моей цели. Я обращался к купцам и рыбакам, обращался к соловецким монахам, но без результата. Никто ничего не знал о Колгуеве, но все были согласны в том, что это

¹ Речь идет о транспорте «Бакан», совершавшем регулярные плавания в Белом и Баренцевом морях для охраны морских границ и исследовательских работ. — Прим. Н. Кузнецова.

скверное место. И я вернулся в Англию не солоно хлебавши, решив отправиться на Колгуев в следующем году.

Я знал, что бесполезно было брать для этого исходным пунктом Архангельск, так как в начале лета Белое море загромождено льдом. Лучше всего, казалось, поэтому нанять в Вардэ моржебойный шлюп, который и перевез бы меня на место назначения. Таков и был мой план первоначально. Тем временем мой друг, Мервин Повис, давно мечтавший поплавать в полярных морях, решил присоединиться ко мне и для этой цели зафрахтовал паровую яхту в 50 регистровых тонн нетто. Это обстоятельство сразу подняло шансы моего предприятия.

Яхта «Саксонец» вышла из Петергеда¹ 3 июля 1894 года. Экипаж ее состоял из опытных шотландских китоловов. Кроме того, с нами отправился молодой человек, Томас Гиланд, искусный препаратор птиц. Таким образом, всего на «Саксонце» было 12 человек.

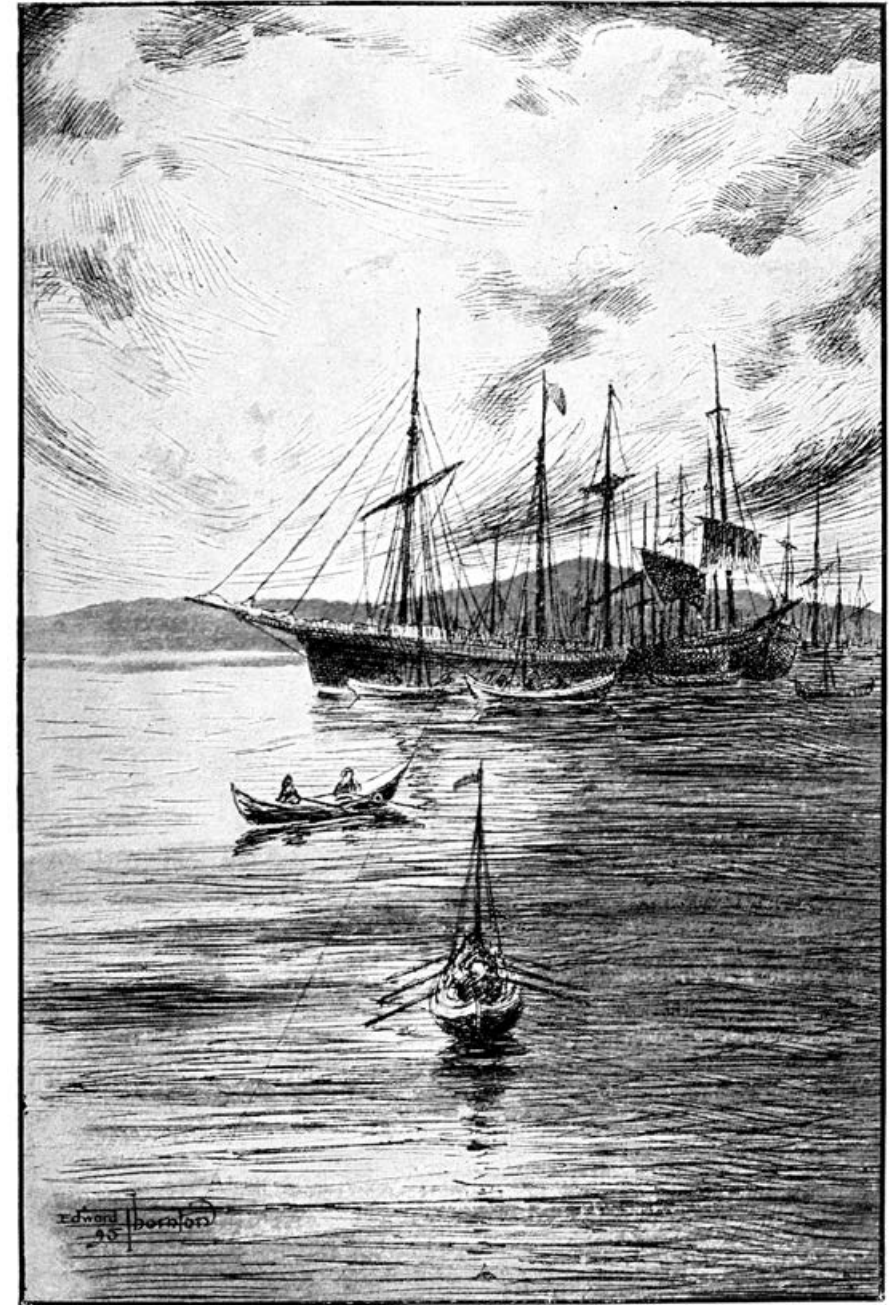
Оговорюсь заранее, что совершенную мною поездку на Колгуев я не считаю исчерпывающей все, что можно знать об этом интересном острове. Натуралист, посетивший его, найдет там для себя еще много дела.

Полезны ли окажутся, или нет сделанные нами определения географического положения некоторых пунктов острова, во всяком случае нужно сказать, что привезенные нами сведения о колгуевских самоедах — чистый выигрыш. Тот, кому в будущем придется высадиться или потерпеть крушение у его берегов, будет знать теперь, что там есть туземцы и что они живут там круглый год.

Я неоднократно спрашивал у местных жителей, как произносить слово «Колгуев». Хотя слово это состоит из трех слогов, но при произношении звучит как двухсложное: фонетически его следовало бы писать поэтому «Колгвев». Удариение, как свидетельствует и Максимов в своей книге «Год на Севере», ставится на первом слоге.

С именем Колгуева знакомы были до сих пор лишь лица, интересующиеся историей открытий в полярных странах.

¹ Порт в Шотландии. — Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред. первого русского издания Ф. Груздева.

В гавани Вардэ

Но и в этой истории Колгуев занимает незначительное место, что, впрочем, немудрено: острова, не имеющего гаваней всякий мореплаватель старается, конечно, избегать. Я приведу здесь все цитаты, которые мне удалось найти в литературе о Колгуеве, начиная с самых старых книг вплоть до нашего времени.

1553 год. — В этом году сэр Гуго Виллоуби отправился из Англии с флотом из трех кораблей *Bona Esperanza*, *Edward Bonawenture* и *Bona Confidentia* на поиски северо-восточного прохода в Китай и Индию. Из этих судов *Edward Bonawenture*, находившееся под началом Ричарда Ченслера и имевшее среди экипажа известного впоследствии Стефана Бурро, было отделено бурей от остальной флотилии, а после долгих скитаний достигло Холмогор и таким образом завязало первые торговые сношения Англии с Россией. Экипаж двух остальных судов погиб жертвою голода и полярной зимовки на Мурманском берегу у устья р. Варсины. Дневник Виллоуби, однако, сохранился, и в нем среди описаний долгого скитания своего по неведомым водам Ледовитого океана Виллоуби пишет, между прочим, следующее: «14 августа увидели землю, к каковой земле думали пристать, и спустили шлюпку, чтобы открыть, что это за земля, но шлюпка не могла пристать к берегу по причине мелководья и большого скопления льда. К тому же на земле не было признаков человеческого обитания. Земля лежит к северо-востоку от Сейнама в расстоянии от него 160 миль и под широту 72°»¹. — Где находилась эта «Земля Виллоуби»? Позднейшие писатели считали ее за Новую Землю, и географы приняли это мнение. Норденшюльд предполагает, что это Колгуев, и это хорошо согласуется с вышеприведенными данными, несмотря на разницу в широтах на 2°.

1556. — И в этом году Стефан Бурро (*Stephen Burrough*), впоследствии главный лоцман Англии, видел Колгуев, когда шел на восток в свое памятное путешествие, во время которого он открыл Карские Ворота. Отчет о его путешествии озаглавлен «Плавание для открытий к р. Обь, совершенное Сте-

фаном Бурро, командиром шлюпа «Искатель» (*Serchthrift*), в 1556 году, при чем случились многие вещи, достойные замечания». В этом описании читаем: «15 августа бросали лот и нашли на глубине 29 фатомов дно, состоящее из черного песчаного ила; тогда мы находились к северо-востоку от северо-восточной части острова Колгуева (*Colgoiue*)»¹.

1580. — Пет и Джакман плавали в этом году по поручению «английской компании купцов, торгующих с Россией», на восток «в страны и владения могущественного принца, императора китайского, а также в города Камбалу и Квисей». Конечно, ни страны эти, ни города не были достигнуты, но на обратном пути от Вайгача Пет и Джакман посадили свои суда 20 августа на песчаные мели, находящиеся к югу от Колгуева. Отчет их говорит так: «В 12 час. очутились мы внезапно в мелкой воде между большими мелями и не могли найти выхода оттуда». Пока мы бросали лот и искали дороги, мы сели на мель; опасности никакой не было, так как ветер дул с берега, а ночью наступило затишье. Всю ночь, несмотря на наши усилия, мы не могли снять суда с мели. Эти мелкие места лежат у Колгуева (*Colgoyeue*); это далеко распространяющееся, совершенно плоское место, возвышающееся над водой на 2–3 фута»².

1594. — Знаменитый голландский исследователь Виллем Баренц во время своего первого путешествия «14 августа прошел в 5 или 6 милях с юго-запада мимо земли, которая (как он знал) была остров Колгуев (*Colgoyeu*)»³.

1611. — Ричард Финч в письме к сэру Томасу Смиту, директору «Компании английских купцов, торгующих в России», писал следующее: «Седьмого августа Вильям и я пристали на шлюпке к берегу. Этот Колгуев (*Colgoiue*) очень длинный и широкий остров с многочисленными долинами. Он изобилует гусьями, которых русские ловят в сети в то время года, когда те линяют. На этом острове, по-видимому, много соколов. Здесь Вильям Гурдон и наш плотник поймали

¹ Purchas his Pilgrimes 1589–99 to 1601.

² Hugh Smith in Hakluyt, vol. I, p. 508, edit. 1810.

³ The Three Voyages of William Barents by Gerrit de Veer, Hakluyt Society's Edition, 1876, № LIV, p. 35.

¹ Hakluyt, vol. I, p. 236.

двух соколов, из коих один пострадал при поимке, другой остался живым»¹. И сам Вильям Гурдон пишет в том же году: «Третьего (августа) в полдень мы увидели остров Колгуев (Colgoieue) и, находясь на северной стороне острова, определили широту, которая оказалась 60°20'; ночью я вышел на берег, чтобы посмотреть землю, которая оказалась высокой глинистой почвой; я пошел туда, где были гнезда соколов, но они улетели все, за исключением одного, которого я поймал и принес на судно. Этот остров Колгуев находится всего в 30 милях от Печорского бара»².

Кажется, что русские карты Колгуева, существовавшие в начале нынешнего столетия, составлены были мелкими торговцами, поморами противоположного берега материка. Никакой попытки фиксировать географическое местоположение не было сделано до 1823–1824 гг., т. е. на протяжении почти трех столетий со времени смерти Виллоуби.

1823–1824. — В эти годы адмирал Литке во время своего третьего и четвертого путешествия на Новую Землю крейсировал у берегов Колгуева и определил широту и долготу северо-западной и долготу западной оконечности его, и видел некоторые пункты северо-западного берега³.

1826. — В этом году была снаряжена русская экспедиция — для снятия на карту части океана к востоку от Белого моря до устья Печоры, включая Колгуев. Эта экспедиция под начальством подштурмана Бережных объехала остров кругом в четыре дня и тем исполнила свое поручение⁴.

1841. — Этот год памятен в истории Колгуева, так как тогда была сделана первая попытка высадки на него с целью научного его исследования. Профессор Савельев в сопровождении д-ра Рупрехта (консерватора Ботанического музея Императорской С.-Петербургской академии наук) дважды, в июле и августе упомянутого года, посетил этот остров. В очень интересной статье⁵, в которой Са-

вельев излагает результаты их поездки, он говорит: «Сначала мы высадились на южной его оконечности у устья р. Васькиной, откуда Рупрехт совершил экскурсию вовнутрь острова на оленях. Проведя здесь десять дней, мы решили объехать кругом острова и поплыли на парусах вдоль западного его берега, высаживаясь мимоходом у небольшой речки Гусиной (69°26' сев. шир.) и у р. Конькиной. Но, достигнув северной оконечности острова, мы должны были вследствие неблагоприятных ветров повернуть и направиться к Святому Носу на Тиманском берегу. В августе мы опять посетили Колгуев и, желая проехать вдоль восточного берега, направились в Становой Шарок, где оставались шесть дней, которыми Рупрехт опять воспользовался для экскурсии вовнутрь острова. Нужно, однако, заметить, что наше пребывание на Колгуеве совершено было при самых неблагоприятных обстоятельствах. Из шестнадцати дней, проведенных нами у устья р. Васькиной и в Становом Шарке погода в течение десяти из них была такова, что нечего было и думать об исследованиях или экскурсиях на острове. Сильные штормы не позволяли нам даже оставить палатки».

Так говорит проф. Савельев. Работа, сделанная ими в течение шести дней, имевшихся в их распоряжении, как бы она ни была превосходна, не могла быть, конечно, обширной, и так как я провел на острове не шесть дней, а три месяца, то мне удалось прибавить многое к их исследованиям.

В наше время многие арктические путешественники проходили к северу и северо-востоку от Колгуева, но я нигде не мог найти никакого упоминания, чтобы кто-нибудь из них посетил его.

1858. — В этом году С. Максимов напечатал в «Морском сборнике» то, что он слышал от поморов о Колгуеве. Этот коротенький отчет, написанный оригинальным, образным языком и вошедший впоследствии в сборник Максимова «Год на Севере», я не могу удержаться, чтоб не привести здесь почти целиком.

¹ Purchas his Pilgrimes, vol. III, book 3, chap. IX.

² Там же. Гл. VIII.

³ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие на Новую Землю.

⁴ Записки Гидрографического департамента, V, стр. 18.

⁵ Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland, 1852, A. Erman, X, 313—316.

” По три дня молебную совершал, накануне отъезда Св. Тайн Господних приобщился... Пять дней боролись мы с морскою стихией, преодолевая ее напор и волнения, и на шестые сутки — Богу поспешествующу! — узрели наконец вожделенный берег о. Колгуева. За все страдания, о коих считаю за благо промолчать, вознаградил себя тем святым делом, на которое уготован и освящен: съезжая с пустынного Колгуева, не оставил на нем ни единого из живущих там самоедских семейств неокрещенным, в Христа Спасителя неверующим.

Вот что слышал я про Колгуев с одной стороны, а с другой, от промышленников: что остров этот не страшней Матки (Новой Земли); что если промышленнику брезгать Колгуевым, то незачем было ему и на свет Божий родиться.

На печи лежа, кроме пролежней, мало чего другого нажать можно, а с морем игру затеешь — умеючи да опасливо — в накладе не будешь. Нам, поморам, в морских плаваниях не учиться стать, мало того, что малый ребенок умеет веслом править, баба, самая баба — уж чего бы, кажись, человека хуже?! — а и та, что белуга, что нерпа, лихая в море... Колгуев этот — все равно что дом наш родной; полтора ста этих верст мы на попутничке и в сутки отработаем.

К показаниям мезенцев можно прибавить еще то, что остров Колгуев можно считать более гостеприимным и удобным к заселению, чем два других принадлежащих России океанских острова: Новая Земля и Вайгач... Правда, что и Колгуев долгое время носил незаслуженное им имя негостеприимного и даже пагубного для заселения острова, но позднейшие факты решительно говорят противное. Правда, что 85 лет назад, Бармин, архангельский купец-раскольник выселил на собственное иждивение на остров Колгуев сорок человек мужчин и женщин, желавших основать там скит, но все переселенцы эти вымерли в один год (спаслось только четверо), но правда также и то, что раскольники эти большею частью были люди престарелые и принадлежали к строгой аскетической секте, допускавшей из набожности в некоторые установленные ими месяцы прием пищи только один раз в неделю. Академик Озерецковский, спутник Лепехина в его ученом путешествии по северным берегам России, в 1772 году встретил на реке Снопе (впадающей

в океан на Канинском берегу) двух из барминских прозелитов, до того зараженных уже (до переселения еще на Колгуев) скорбутом, что вонь из их ртов оттолкнула меня к дверям избы (как пишет он сам), лица их были пребледные, крепости в теле никакой не находилось, и я с сожалением смотрел, что бедные люди пылают суеверием и на Ледовитом океане.

Между тем в настоящее время на Колгуеве живут более ста самоедов, лет двадцать назад тому выселившихся сюда, или на правах оленьих пастухов по найму от мезенских богачей, или наконец по доброй воле (хотя это, впрочем, и меньшая часть). Переселенцы эти прекратили всякое сношение с материком и уже успели значительно обсемениться. Посещавшие остров береговые жители видали там и грудных детей и подростков и, не замечая в них никаких проявлений особенных болезней, на себе самих не испытали ни малейшего признака всегда ненавистной и всегда погубительной цинги, но, даже вернувшись домой к осени, неизбежно встречали такого рода приветствие: «Разнесло тебя, сват, раздобрило, уж и впрямь, тебе одно надобно сказать: либо с Мурманна тебя принесло, либо с Колгуева. Хорош островок — дай ему Господи многие годы!..»

Высокое скалистое положение острова, пять значительных по величине рек с пресной водой (Великая, Пушная, Кривая, Васькина и Гусиная), также несколько пресных озер близ середины острова и самая середина эта, значительно поднятая над окраинными берегами, стало быть, обуславливающая постоянно передвижение воздуха морскими ветрами, отсутствие значительных высот скал, громоздящихся на других островах плотными стенами, допускающими частый застой воздуха, который заражается там летнею порою зловредными испарениями гниющей морской туры (морского гороха), наконец, сильное течение океана, прямо направляющееся мимо этого острова на Новую Землю — вот те видимые причины, которые обуславливают возможность существования на острове Колгуеве жителей, помимо всех тех несчастных случаев, могущих ослабить дух предприимчивости даже и терпеливых поморов. Если самоедские семьи удерживают на Колгуеве богатство оленьего моха, выстилающего все покатоности острова и, стало быть, легкую возможность прокармливать оленьи стада, но мезенских

промышленников влечет Колгуев богатством перелетной птицы, в несметном количестве наполняющей этот остров...

Ездим на Колгуев артелью, ездим и в одиночку греблей, либо бежим паруском, как кого Господь взыщет... Вот и приехали... На ту пору на Колгуев птица прилетела вся и ведет безустанный крик: тут и гусь гогочет крепче всех, тут и галка своим горлышком звенит — словно в стеклушки, тут и утка сычит, словно пьяный мужик с перепоя, и чайку слышишь... Май месяц, июнь опять, берем мы эту птицу таким побытом на стрельну, на гнездах... Убитую птицу мы в кучи складываем, лежит она, матушка, тухнет, коли дожди льют, а не то и сама подпревает. Нам это ничего, потому на больно-то хорошее не поважены: едим и таких всласть да прихваливаем. Ну вот, полежат у нас набитые гуси, подождут своего череду, пока мы стрелять поустанем, или порох под исход пойдет — мы их посолим, в бочки сложим... Перед Прокофьевым днем (в начале июля) гуси-яловики (бездетные) линять начинают, на самый Прокофьев день (8 июля) у них глухая лень бывает. Ленный гусь летать уж не может, пера на нем мало; пух словно выщипал кто. Сидит тот гусь словно обиженный: и молвы лишается, и сидит, прикурнувши, прячется, и от человека таится, словно стыдится наготы-то своей. Вот, как сел этот ленный гусь на малых озерах да пустил большие в запас, чтобы ходить туда за пищей денной, мы порох прячем далеко, о ружьях и не вспоминаем, а вместо них берем за сети. Тут уж не работа, а масленица, и дело вот какого толку и принаровки: на всех тех переходах из малых озер в большое, где гусь ходить любит, мы распутываем сети свои, крыльями далеко по сторонам, в середине у малых озер воротца оставляем для входу птицы. У воротец из тундры делаем въездец такой: к озеру покатый, в середине круга крутой-прекрутой, чтобы не мог гусь драла дать назад, коли попал он по нашему веленью в матицу сети. Сделаем мы все это (а дело и часа времени не займет) — спускаем собак, сами шумим да лаем, чтобы знал гусь, что ему из малого озера в большое выходить надо. Тут наш брат сноровку знай: не потянул бы передовик-гусь в гору, помимо сети твоей. Потянул один — за ним и все побегут (таков уж у них досельный обычай!); а побежали гуси в гору, ты с ними и на оленях не уго-

нишься: круто бегают. От собак бегут они в воду, от человека в гору — это тоже примета: так и знаем, а потому и творим дело с опасом, не борзясь, малым ребятам не подобясь. А попал гусь один в воротца, за ним и другой и сотый побежит: тут только прыгай за ним, лови в охапку, да и отвертывай головки. А это уж малого ребенка рукоделие — легкая забава, безобидная!

А не побегут в воротца?

Да на это человеку и хитрость дана, для этого человек и бородой опушается — по мне это так, да и эдак, пожалуй, что вот есть и такие хитрые серые гуси-гуменники (*Anser segetum*), что хитрей его зверя трудно найти, не токмо какую слабую птицу. Любит этот гусь таиться — не скоро его отыщешь, да и отыщешь, дело вести с ним не мутовку лизать. Мы хитрую эту птицу, на лодках выезжаячи, на середину озера с опасом великим сгоняем, да и тут он тебе козлы ставит: человека он видит, человека он за врага знает и творит с ним всякую кознь. В середину озера он нейдет, на этот раз кучевой артели до смерти боится. Мы и собак держим на этот час на привязи, чтобы не зевали, не пугали, и веслами легонько гребем, а не токма разговор и дух-от, пожалуй, в себя вбираем. А гусь все свою жизнь бережет, все опасается, все оглядывается, все не тянет в круг. Один выйдет и на берег, пожалуй, — и все оглядывается, все человечью-то нашу хитрость ни в грош не ставит, надсмехается. А побегу он, побегу, Христа ради! — все за ним, все за ним!.. ей-богу!

Гусь-клокот (*Bernida brenta*), тот дурак, у того и голова-то коли не коровья с дурусти его, так я уж и не знаю чья. Гусь-клокот башковатостью-то своей разве с одной казарой (*Anser albifrons*) спорить может. Эта сударыня — такая несовместимая, неумытная дура, что сама в наши промысловые избы заходит... И вот вывозим мы с Колгуева острова гусей этих самых по общей сметке сказывают, сто тысяч штук. А могли бы и больше — ну да это ладно! об этом я теперь и вспоминать больше не стану, а поведу тебе речь свою к концу и на пущую докуку о том, что на наш Колгуев еще грумманские (шпицбергенские) гаги (*Colymbus adamsi*) прилетают, — это турпаны. Это не то тебе утка морская, не то настоящая гапка (*Colymbus arcticus*), а прилетает ее на Колгуев несметное тоже число.

Садятся они больше на летней (южной) стороне, на мелях Кривачьих или Тонких Кошках (корги-то эти и море, почесть, никогда не топит, не заливают водой). Сидят они тут, не кричат, в кругах, а выгонишь их в гору к сетям — бегут не долго, сейчас отдохнуть сядут, потому больно жирны и пахнут. Тут их не стреляй, а то все в растеку ударятся, а гони опять: безотменно в сети попадут, ингодь тысяч пять, а не то и все пятнадцать за один раз. Считать их только трудно бывает после. Чем больше лодок пуцаем в ход, тем и удача больше имеем. Тут вся хитрость — подогнать их дальше к берегу, не пускать в голомя. А затем угодишь их собрать в табун и погонишь. Бегут они, с боку на бок переваливаясь, боковые покружатся около середних да и устанут, а эти сядут, а там только отделяй в кучи шестами по участкам да и гони потом, в какую сеть пожелаешь. Идут охотно, без разговоров, словно человек из бани вышел, да крепко запарился, да на печь полез спать после того, и разговору держать никакого не может. Берем мы опять с гагар и гапки этой подать и яйцами; а яйца эти кладут они на воду на мелкое место, на камушки, на травничек.

Но и кроме птицы, Колгуев богат многим и очень многим. Самоеды стреляют по берегам его и нерпу, которая любит понежиться одинаково и на льдине, как и на шероховатом, оголяемом в морской отлив камне, и морских зайцев, и моржей, которые, хотя и редко, но выстают и здесь так же, как и на Новой Земле. Неводят самоеды и жирных, всегда прибыльных белуг, хотя большая часть этого корыстного сального зверя ускользает от рук и угребают потом и к полюсу на свободу, и в Белое море, в более опытные и навывкнущие в деле руки. Рыба, изобильно населяющая островские реки и озера, как, напр., гольцы, сиги, омули и куледка (форели), вылавливается исключительно для местного употребления и во всяком случае, во всякое время способна обуславливать в известной степени и существование переселенцев, и возможность дальнейшего посещения этого острова береговыми соседями его. Дикий лук и щавель, клюква и морошка, топливо, в избытке выбрасываемое морем на островские берега, служат не малым и не ничтожным подспорьем ко всему вышесказанному, чтобы окончательно увериться в возможности дальнейшего заселения Колгуева.

Ошкуй (белый медведь) часто правда бродит по острову и творит свои неладные медвежьи шутки, но против него найдется и горячая пуля, и меткий выстрел, и верный взгляд; дикие олени в свежем их виде дают вкусную и здоровую пищу; множество песцов и лисиц, издавна сделавшихся уже аборигенами здешних, хотя и пустынных, но здоровых климатом мест, могут служить целью не безвыгодной и не трудной ловли.

Кривая река и Гусиная давно уже известны мезенцам как довольно удобные становища для судов, а губа Промой¹, далеко врезавшаяся узким рукавом своим в остров, также давно уже служит безопасным рейдом для самых крупных беломорских судов, каковы лабды и шхуны.

Ждет ли остров Колгуев (для того, чтобы приносить собою большие выгоды туземному краю) честно задуманной, умно поведенной компании, или же его также постигнет такая же плачевная участь, какую несет от русских промышленников богатый, хотя и дальний Шпицберген — решить не беремся. Но во всяком случае по всем слухам, по общему мнению и по личным соображениям, Колгуев далеко не того стоит, во что сумели оценить его до настоящего времени все знающие и посещавшие его.

Ниже читатель увидит, насколько полно согласуется все рассказанное Максимовым с результатами, добытыми мною. Его рассказом кончается немногочисленная серия литературных данных о Колгуеве, которые мне удалось собрать. За всякое мне указание на какие-либо новые источники буду искренно благодарен.

¹ По моим исследованиям, эта губа обратилась ныне в озеро Промойное. — Прим. авт.